

УДК 32.019.51:329.7

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/4

СЛАВЯНСКИЙ МИР КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ*

А.И. Щербинин¹, Н.Г. Щербинина²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: shai52@mail.ru

SPIN-код: 6663-7914

²E-mail: sapfir19@mail.ru

SPIN-код: 1808-7956

Авторское резюме

Статья посвящена славянскому миру как политическому конструкту, своеобразию его становления, связи с российской ментальностью, периодическими актуализациями в переломные для славянских народов эпохи. Рассмотрены попытки постановки и реализации политических проектов славянского мира. Показано, как вытесненный на периферию политической семиотики в актуальной политике славянский мир реализуется в качестве виртуального конструкта в социальных сетях Интернета.

Ключевые слова: конструкт, проект, ментальность, славянский мир, Россия, политика.

THE SLAVIC WORLD AS A POLITICAL CONSTRUCT

A.I. Shcherbinin¹, N.G. Shcherbinina²

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: shai52@mail.ru

²E-mail: sapfir19@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the Slavic world as a political construct, the singularity of its formation, the connection with Russian mentality, periodical actualizations during

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ / This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

turning periods for Slavic people. The authors examine the attempts of development and implementation of political projects of the Slavic world. It is shown how the Slavic world pushed out on the periphery of political semiotics in the present day politics is being realized as a virtual construct in social Internet networks.

Keywords: construct, project, mentality, Slavic world, Russia, policy.

Конструкция единства славян зародилась сначала, насколько можно судить, как идея их христианской общности (*Slavia Christiana*). Безусловно, толчком послужила кирилло-мефодиевская инициатива в создании особой культурной сферы для новой славянской надобности в противовес греческой и латинской традициям. Сразу стоит отметить, что именно «славянский проект» солунских братьев Кирилла и Мефодия до сих пор остается единственно успешной – не только в сфере православия, но и политического обустройства – попыткой конструирования славянского мира. Инициированный ими процесс образования универсума носил широкий социокультурный характер. Но поскольку религиозно-церковное и политическое были в Средневековье явлены синкретически, то сущностным аспектом идеологического творчества стало политическое конструирование в интерпретативном контексте славянской смысловой общности.

В этой феноменальной сфере происходила не только общекультурная коммуникация как взаимообмен смыслами, но и заимствование политических идей и моделей для создания и структурирования средневекового государства. Характерно, что на Руси киевского периода (в отличие от Московского царства с его главной ориентацией на византийские образцы) данное славянское влияние было весьма заметным. И здесь мы можем обратиться к работе В.М. Живова «Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси». Именно в политической сфере (хотя Живов отрицает и наличие у нас единой с Византией культуры в целом) византийские образцы политико-религиозного толка оставались недоступными пониманию древнерусских властителей и их идеологов и потому не были востребованы. При этом перед Русью стояла проблема обустройства государства, где христианская религия тоже была новой составляющей, в отличие от Византии с государственной культурой, достигшей стадии унификации и упадка. Эта сложная задача конструктивного плана в исторических рамках раннего Средневековья решалась, по мнению Живова, в пределах *Slavia Christiana*, выступающей «естественной средой» креатива. И только разделение церквей, полагает он, эту общность разрушило, что и совершилось к XII в. (Живов 2002: 84).

Какие же конкретно проблемы решались путем политического конструирования, т. е. способом властного означивания нового

мира? Государство осмысливалось как христианская сущность, а государь в качестве политической функции получал предназначение охранителя истинной веры. В данном смысловом поле находилось и особое морально высокое значение христианского властителя. К примеру, В.М. Живов отмечает, что феномен культа Бориса и Глеба, основанный на идеологии непротivления и устанавливающий образец святых заступников для Руси, не уникален, но, напротив, имеет аналоги, в частности в скандинавской агиографии. И у нас, и в Польше, Чехии, скандинавских странах задавалась «планка» особо праведного правителя, чтобы избежать междоусобных конфликтов (Живов 2002: 89–90). Имеется в виду тот факт, что основой ортодоксальной канонизации обычно выступало мученичество за веру, но не особая жертвенность во имя укрепления политической власти. Как бы то ни было, мы можем констатировать, что первоначально появилась универсалия, характеризующая славянскую общую ментальность. Само название *Slavia Christiana* как категория описания данного мира была введена в научный оборот тем же Живовым. Именно данное коммуникативное поле славянско-христианского мира (как целеполагающее действие по обмену и содержательное единство информационных феноменов) послужило «рамочной ситуацией», в которой осуществлялось моделирование политической реальности. Слово «рамка» в данном случае означает соотнесение политических феноменов с христианским смыслом в контексте практически-семиотических действий власти. Так, государство мыслилось как христианский институт, а государь – как христианский правитель. Новое государство помещалось в долготу христианского же времени, а государь становился актуальным и ключевым элементом новой системы. Представления об исключительной роли государя и государства, на наш взгляд, заложили и основы политической культуры России, которые приобрели характер ее архетипов (постоянно актуализирующихся праобразов культуры), но уже позднее, в период Московской Руси.

Казалось бы, в московский период жизни царства византийская модель универсального христианского государства как движущегося Рима навсегда связала нашу политическую культуру с византийским прототипом, «византизмом». Данное общеизвестное положение, безусловно, верно в принципе. Но конкретная ситуация политического конструирования в этот московский период, особенно в форме идеологической, т.е. обоснования легитимности бытия обновленного царства, столкнулась с парадоксальной проблемой. Византия как символический политический центр и тем самым как правоспособный источник искомой легитимной монархической власти перестала существовать. Она буквально и метафорично стала «мертвым цар-

ством», тогда как антропологически нужен был живой исток власти. И тогда московские идеологи снова обращаются к славянской культурной традиции, чтобы обосновать феномен нового «цветущего» государства. Подтверждение тому мы находим в книге М.Б. Плюхановой «Сюжеты и символы Московского царства». Именно в «мире восточного православия и славянства» была почерпнута легенда об обретении царственной силы способом овладения политическим центром (Царьградом) (Плюханова 1995: 171).

Суть конструирования фактов обоснования власти состояла в том, что Царьград (Константинополь) можно было подменить его субститутом – Корсунем, Казанью и т. п. То есть тем местом бытия легитимной власти, куда государь-герой мог отправиться и взять этот символический центр с боем. Неслучайно потому идеологическое творчество помещается, на наш взгляд, в специфическую форму легенды. Миф не только рассказывает историю сотворения государства, но и как политическая реальность он стремится к актуальному переживанию самого себя. Тем самым миф прочно закрепляет в культурной памяти пережитое, что позволяет извлекать из этого «запаса знания» некую идею в переломные периоды. Отсюда становится понятным наше периодически актуализируемое стремление освободить «братьев-славян» от мусульманской напасти и политическое требование завоевания проливов как средство к тому. И указанная тема, между прочим, стала целым направлением русской внешней политики на несколько веков. У М.Б. Плюхановой мы находим и психологическое объяснение этого застарелого «комплекса» русской власти: «Стремление освободить Царьград превратилось постепенно в национальную «навязчивую идею», выходящую на поверхность в эпохи кризисов и катастроф. Смысл и характер этой идеи нельзя понять, если не помнить о глубинной мифопоэтической потребности иметь Царьград живым и свободным, чтобы, овладев им, овладеть истинной царственностью и обрести государственно-историческое благополучие» (Плюханова 1995: 175).

Итак, как нам представляется, возникает новая виртуальная реальность, политический воображаемый мир, который номинируется как «славянский». Этот мир образует устойчивое смысловое единство, и факты-конструкты его очередного коммуникативного бытия активизированы властью. С помощью данных знаковых конструкций российская монархическая власть репрезентировала себя, т. е. создавала концепцию себя, опирающуюся на смысловые феномены. Конечно, концепция имела идеологическое назначение и мифологический подтекст, и она оправдывала власть, поддерживая «символический универсум» (термин П. Бергера и Т. Лукмана) в целом. Данное обо-

снование включалось в конкретные текстовые конструкты, которые Р.С. Уортман называет «сценариями». Цель сценария, по Уортману, – драматизировать восприятие аудиторией событий, связанных с властью, и ввести их в символический контекст (Уортман 2002: 27). Таким способом власть могла презентовать себя не только в качестве конкретно-ситуативного освободителя всех славян, но и принципиального защитника «своего» славянского мира от других «чужих» миров.

Но вернемся к разделению церковей на западную и восточную, что положило начало расколу славянской общности. Тогда-то и завершилась первая рамочная ситуация. Это потрясение, в свою очередь, вызвало переживание уже Московского государства как земли истинной Христовой веры. Отсюда последовало и символическое оформление идеи «Москва – Третий Рим», и возникла конструкция государства истинной Христовой веры во главе с православным царем. С тех пор появляется идея об особой миссии России не только в мире-вселенной (христианском мире вообще), но и в славянском мире в частности. При этом речь не идет, по нашему мнению, о панславизме как славянской исключительности и государственной общности славян. Но что же представляет собой этот «славянский мир» в его политическом аспекте? Здесь видится семиотическое объяснение: перед нами знаковый мир, обладающий особым языком как средством смысло-несущей коммуникации. В данном отношении характерен проект хорвата Юрия Крижанича, который в XVII в. задумал объединить всех славян способом воссоединения церковей. Но путь к единству, по его мнению, лежал даже не в сфере институциональной, а языковой – в создании общеславянского языка. Основой общего целесообразного и разумно устроенного мира, по Крижаничу, должны были стать новая легенда о происхождении славян и новая славянская история. В этой идеальной конструкции России отводилась почетное место прародины славян, символического их истока. Политическая же роль русского царя, как считал Ю. Крижанич, должна быть направлена на решение двух насущных проблем: борьбу с немецким засильем на западе славянского мира и османским гнетом в южной его части. В данной связи образцовая монархия Алексея Михайловича должна была помочь в воссоздании и других славянских государств (Крижанич 1997: 4–6).

В некотором смысле о значении языка, релевантного всем славянам, связывающего их в незримую общность, писал и Константин Леонтьев. В его рассуждении о феномене «славизма» подчеркивается, что у славян как культурного артикулированного единства нет никаких общих черт, в отличие от других культурных феноменов, что характерно даже для совершенно условного явления «европе-

изма». Потому К.Н. Леонтьев много пишет о несходстве отдельных славянских народов в различных аспектах их жизни, в том числе и политическом. Ничего особого «славянского» в формальном смысле, по его мнению, выделить вообще нельзя (Леонтьев 1993: 42). Потому политически славяне не в силах объединиться, но они способны, напрашивается вывод, понять друг друга, создать ментальную общность. Роль же русского государства, основанного на византизме, по Леонтьеву, состоит в том, чтобы помочь в приобретении или сохранении независимости всех славян. Что касается «византизма», то не все так просто, как казалось Леонтьеву. С одной стороны, идея универсальной империи возникала в политическом дискурсе вплоть до XX в., но с другой – сама модель не могла полностью воплотиться практически, и мешали тому наличие именно славянского мира, представление о славянском братстве и независимости отдельных церквей.

В нашем «разыскании» о славянском мире понятие языка, очевидно, выходит на первый план. И в отношении именно славянского мира это символично вдвойне. Дело в том, что значение языка подчеркивалось еще в родовой период существования славян. По словам В.В. Колесова, сам род и мыслился языком, ведь только члены одного рода понимали друг друга: «Поэтому каждый, кто говорит понятно для славянина, обозначается словом *словенинь*: он «знает слово», и его понимают». В дальнейшем под языком стали понимать страну, и тогда общим языком стал «христианский язык» и страна стала христианской (Колесов 2000: 140–141). Здесь опять же подчеркивается языковая связь славянского мира с его христианской сущностью. Сам смысловой мир уже основывался на христианских кодах, а позднее в Средневековье, и государство стало христианским.

Все эти рассуждения подводят нас к мысли о том, что «славянский мир» генетически и феноменально конструируется в языке и как язык коммуникации. И данная коммуникация может в некоторые периоды приобретать политический характер. Дело в том, что семиотический политический опыт включает в себя и опыт переживания славянской общности. Здесь «опыт» понимается феноменологически, и речь идет именно о содержаниях сознания, феноменах. Другими словами, мир славян сконструирован лишь в языке и содержит факты-конструкты, не поддающиеся верификации. Это иллюзорный мир, фантазм, иная реальность. Но от этого данный мир не менее реален. И именно так понимаемый мир предшествует семиотическому действию по актуализации политического дискурса, разговора о политике, который ведется на особом языке, понимаемом тоже семиотически. Конечно, требует обоснования сама сугубая семиотичность нашей трактовки. Почему политическое конструирование данной универсалии имеет

указанную сущность? Здесь мы обратимся к лотмановскому понятию семиосферы (Лотман 2001: 250–256). Политическая культура аналогично культуре вообще имеет собственную семиосферу, которая является особой средой для бытующих знаковых политических конструкций. «Славянский мир» представляет собой замкнутый смысловой мир, значит, непонятный и бессмысленный для тех, кто не включен в процесс коммуникации. Потому он находится, как правило, на языковой периферии политической семиосферы. Тем не менее особый политический язык обслуживает важную функцию русской политической культуры, связанную с репрезентацией власти. Причем славянский мир как язык, на котором начинает говорить политика, переходя тем самым в дискурсивную сферу, оборачивается одновременно и особым культурным кодом, используемым для интуитивных трендов политической культуры. Актуализации прозрений связаны, как нам представляется, и с попытками идеального самоописания политической культуры, выработкой ее самооценки в процессе формирования идентичности. Посредством перевода на язык «славизма» создается некая нормативная зона, принимаемая общественным мнением. В результате признания данной трактовки как «правильной» конструируется частная картина политического мира, так славянский мир превращается в очередную современную реальность. Он реален как коммуникативный феномен. И тогда другие политические смыслы и дискурсы подчиняются данному властному кодированию: речь опять идет о спасении «братьев славян», о создании или воссоздании их государственности и об особой роли России в этом правом деле.

Не секрет, что политические мечты и разговоры о славянском мире редко переходили в действия по его консолидации. Примеры последнего единичны, когда действия не ограничились подменой Царьграда его субститутотом. Граф С.Ю. Витте в «Воспоминаниях» пишет о начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: «Как известно, русско-турецкая война началась с сербско-турецкой войны... Через Одессу из России в сербскую армию ехала масса добровольцев. В то время в Одессе было Славянское о-во... и, так как мы очень увлекались «славянской идеей» – идеей взятия Константинополя, то очень усердно занимались отправкою туда добровольцев» (Витте 1923: 84). Действительно, это было время грез «о славянской свободе и вольном союзе вольных славянских народов...», – как писал В.И. Немирович-Данченко в воспоминаниях о Скобелеве (Немирович-Данченко 1884).

При этом сама идея союза славян во главе с Россией появляется еще на фоне Крымской войны, в которой русские в глазах европейского мира представлялись в традиционном образе варваров, стремящихся завоевать весь мир. Так же, как и теперь, эта война

против России подавалась как защита «ценнейших благ западной цивилизации» против врага, «у которого нет ничего общего с европейской традицией» (Люкс 2002: 55). Леонид Люкс обращает внимание на стихотворное послание Ф.И. Тютчева к царю, когда в 1854 г. в условиях общеевропейской антирусской коалиции поэт показывает образ новой России: под сводами древней Софии, перед Христовым алтарем русский царь восстает как царь всеславянский. Николай I лично запретил публикацию: «Подобных строк не допускать» (Люкс 2002: 57).

Примечательно, что на высшем государственном уровне подобные конструкты не пользовались большим вниманием. Между тем борьба за славянское освобождение от османского ига в конце 70-х гг. XIX в. породила не только энтузиазм добровольцев, но и выдвинула из своей среды вождя, каковым был, по мнению современников, «Белый генерал» М.Д. Скобелев. Он так формулировал свое кредо: «Мой символ краток: любовь к отечеству, свобода, наука и славянство!.. На этих четырех китах мы построим такую политическую силу, что нам не будут страшны ни враги, ни друзья» (Немирович-Данченко 1884). Применительно к идеям и практикам этой общественно значимой фигуры мы можем говорить не только о конструктах славянского мира, но уже о конкретном проекте. Идеи появились в ходе болгарской кампании, особенно ввиду манящей близости Царьграда, столь желанного для России: «Та Византия, о которой так мучительно, словно задыхаясь на своем безграничном просторе, столько веков мечтала отыскивающая выхода к южному морю Россия, та Византия, к которой, правы или не правы, но постоянно стремились лучшие люди славянского мира... Дивным сном каким-то казался этот Рим европейского востока, этот Рим славянства, за который пролилось так много слез и крови» (Немирович-Данченко 1884).

Итак, Стамбул (Царьград, Константинополь) рассматривался как «Рим славянства», исходя из православной миссии Византии в славянском мире. Сам же славянский мир, по словам Скобелева, должен был стать не частью государства российского, а обрести совершенно новую конфигурацию: «Я рисую себе в будущем вольный союз славянских племен. Полнейшая автономия у каждого – одно только общее – войска, монеты и таможенная система. В остальном живи как хочешь и управляйся внутри у себя как можешь... А что касается до свободы, то ведь я говорю не о завтрашнем дне... К тому-то времени, пожалуй, Россия будет еще свободнее их» (Немирович-Данченко 1884). Для Скобелева это не было теоретическим вопросом, он понимал опасность влияния Австрии: «Этак они сгруппируются вокруг Австрии и вместе с нею могут, пожалуй, основать южнославянскую

монархию... Тогда мы пропадем!.. Потому что при помощи Австрии католичество широко разольется у них... Оно захватит все и всех, и в первом спорном вопросе славяне южные пойдут против северных, и будет эта братоубийственная война торжеством всякой немецкой челяди... Но это невозможно и невозможно... Если мы запремся да ото всех принципов новой государственной жизни стеной заслонимся – дело плохо...» (Немирович-Данченко 1884). Особый взгляд был у Скобелева и на взаимоотношения с западными славянами. Раздел Польши генерал считал братоубийством и историческим преступлением, но вина в этом не русского народа, а власти. Тем не менее Польша – «это Вениамин, проданный братьями в рабство!.. Долго еще русские будут краснеть за эту печальную страницу из своей истории» (Немирович-Данченко 1884).

Не смирившись с результатами Берлинского конгресса, расчленившего Болгарию, «Скобелев сейчас же занялся там организацией гимнастических союзов, вольных дружин, общин стрелков...» (по его словам, около 30 тыс. чел.), учил их военному делу, мирил сербов с болгарами, «вводил в сознание народа убеждение его кровного родства с теми или другими славянскими племенами», т. е. всеми силами отстаивал свой проект, считая, что славяне еще получают свой шанс на объединение (Немирович-Данченко 1884). Первая и Вторая балканские войны 1912 и 1913 гг. показали возможность такого союза в борьбе с Османской империей, но этот союз (Болгария, Сербия, Черногория, а вместе с ними и Греция) был непрочен. Уже в 1913 г. Сербия, Черногория, Греция и Турция (!) воевали против Болгарии. И именно с Балкан, заряженных национализмом, пришла Первая мировая война, для России начавшаяся с поддержки Сербии.

Тема «славяне и война» не исчерпывается истоками, ходом и результатами Первой мировой войны с ее многочисленными жертвами, в том числе и среди мирного населения, первыми концлагерями, перекройкой границ бывших империй и созданием новых славянских государств. Промежуток между двумя мировыми войнами оказался на удивление коротким. И уже первой жертвой агрессии со стороны нацистской Германии становится Судетская область Чехословакии, затем пришла очередь и других стран, в том числе и СССР. В августе 1941 г. в Москве был проведен первый Всеславянский радиомитинг, который можно считать образованием Всеславянского комитета. Отметим, что с приветствием в адрес митинга обращались Рузвельт, Черчилль, Броз Тито.

Целью Всеславянского комитета было объединение братских народов для скорейшего разгрома «гитлеровских армий и уничтожения гитлеризма». Деятельность комитета вызвала большой резонанс как

на оккупированных территориях славянских стран, так и за пределами Европы. Свыше 60 средств массовой информации от Американского континента до Австралии перепечатывали и транслировали статьи и передачи Всеславянского комитета, присылали на его адрес письма поддержки от граждан и организаций – этих организаций за весь период войны было около 400. Тем не менее правоту нашего высказывания о том, что славянский мир находится на семиотической периферии политики, подтверждает факт руководства этой организацией малоизвестным генерал-лейтенантом инженерных войск Александром Гундоровым. Несмотря на чудовищные потери, которые понесли славяне во Второй мировой войне, на общие задачи строительства социализма в послевоенной Восточной Европе, Всеславянский комитет оказался отодвинутым от решения магистральных задач единства, а в 1962 г. был упразднен. В 2011 г. предпринята попытка его создания, что следует приветствовать даже как собственно факт внимания к проблеме подобного типа.

Нередко конструкт «славянский мир» становится основанием для политической идентичности отдельного народа в межэтнических конфликтах или целой страны в условиях выбора. Так, в пору нынешнего кризиса, связанного с жестким противостоянием с Западом по целому ряду мировых проблем, Россия в ситуации беспрецедентного давления вновь оказалась перед выбором пути, пересмотром идентичности. В известной степени сегодняшние события – своеобразное «эхо» великого перелома 90-х гг. прошлого века. Именно тогда и идеологи, и широкая общественность были озабочены выбором постсоветской России: искать ли сближения с бывшими противниками, идти ли своим путем? В тот период деление на новых «западников» и новых «славянофилов» фактически не было привязано к идейно-литературному феномену середины XIX в., а отражало лишь совокупное, часто искусственное маркирование сторонников того или иного пути.

Впоследствии на фоне быстрого политического провала эксперимента прозападных реформаторов более распространенным стало деление на «либералов» и «патриотов». При том конгломерат последних (монархисты, националисты, коммунисты), сохраняя вторичные идеологические признаки, общим знаменателем имел особый путь России. И это позволяет их классифицировать как продолжателей идей, изложенных в славянофильском классическом конструкте, где народ и царь, община и государство, свобода и порядок были соединены самым причудливым образом и номинированы как русская / славянская традиция. Странность данного конструкта и одновременно предсказуемость его воспроизводства на основе консерватизма и «особого пути» страны отмечались неоднократно и в рамках логики

ки выбора России, и в рамках развернутой характеристики самих идеологов славянофильства, осмысления проблемы Россия / Запад и т. п. (Славянофильство и западничество 1991; Янов 2001).

На протяжении послевоенной истории XX в. не было попыток, подобных проекту Скобелева или Всеславянского комитета. Лишь отметим момент, когда идущая в кильватере западного курса ельцинская Россия неожиданно огрызнулась против бомбардировок Белграда (демарш Е. Примакова). Стоит упомянуть и захват двумястами российскими десантниками косовского аэропорта «Слатина» в условиях планируемой натовской операции, носившей, очевидно, проалбанский характер. Эта акция была чревата большой войной в Европе, но силы оказались на стороне государств Запада. Тем не менее российский контингент миротворцев был гарантом прав сербов в, казалось бы, просчитанном НАТО сценарии. В принципе, ни о каком «славянском мире» тогда уже не могло быть и речи, достаточно вспомнить антироссийскую политику Болгарии в данном вопросе.

Означает ли это, что идея славянского мира исчезла вообще и из политического дискурса в частности? Фактически с начала XXI в. мы можем говорить лишь о создании виртуальных симулякров – славянских интернет-миров. По данным на конец 2014 г., наиболее популярными сетями в Рунете были «ВКонтакте» (28 %), «Одноклассники» (24 %) и Facebook (18 %). Мы проанализировали данные сети на предмет количества сообществ с тегом «славяне» и на основе типизации определили черты виртуального славянского мира. Самым плодовитым по количеству сообществ «славян» оказался сайт «Одноклассники», на нем с таким тегом в обнаружены 793 группы (См.: <http://ok.ru/profile/536603894797/groups>).

Эти сообщества относительно немногочисленные, самые крупные из них насчитывают от 40 до 20 тыс. участников: «Славяне»; «Арии-Русы-Славяне. Родная вера-веда прадавней Руси»; «Славяне – внуки богов, а не рабы божьи!!!»; «Славяне... Против фашизма»; «Мы славяне! Мы православные! Мы едины, с нами Бог»; «Мы славяне – мы сила!!!» и др. Нередко по фото обложки или по описанию можно определить идеологию сообщества, но уже из самих названий понятно, что вкладывают создатели группы в ее идеологию. Очевидно, что у закрытой группы «Славяне – внуки богов, а не рабы божьи!!!» (20,7 тыс. участников) или у «Арии-Русы-Славяне. Родная вера-веда прадавней Руси» (28,5 тыс. участников), «славянский мир» выглядит иначе, чем у группы «Мы Славяне! Мы православные! Мы едины, с нами Бог» (18,2 тыс. участников). Одни помечены православным крестом, другие – символом солнцеворота. Одни ограничиваются подъемом славянского самосознания в России, другие говорят о

славянском единстве Белоруссии, Украины, России. Статус последних содержит цитату из преподобного Лаврентия Черниговского: «Как нельзя разделить Святую Троицу... Отца и Сына и Святого Духа – это Един Господь Бог ... так нельзя разделить Россию, Украину и Белоруссию... это вместе – Святая Русь!!!»

Более многочисленные сообщества представлены в социальной сети в «ВКонтакте», совокупно насчитывающие около 400 тыс. участников. Самые крупные группы – это «Братья славяне» (145,5 тыс. участников); «Славяне» (104,5 тыс. участников); «Славяне. Язычество» (48 тыс. участников); «Мы – славяне» (35,3 тыс. участников). Описание этой группы приведем как пример своего видения «славянского мира» и славянина в нем:

«Мы – Славяне, а это значит:

– Мы любим, ценим и уважаем свою Родину, свой народ, культуру и язык!

– Мы любим, ценим и уважаем все братские нам народы!

– Мы ПРОТИВ всего того, что убивает и заставляет деградировать наши народы: это алкоголь, табак, наркотики, безграмотность и навязывание ложных моральных ценностей!

– Мы против превращения наших народов в быдло!

– Мы против тех, кто не уважает нашу страну и наши народы, презирает наши ценности и традиции!

– Мы православный народ!».

Но прямо заявить, что именно данное кредо объединяет все сетевые сообщества с тегом «славяне» в славянский мир, мы не можем. Мир Интернета еще менее цельный, нежели реальность или идеологическая картина мира. «Славян» может интересовать мистика – «Славяне. Мистика» (21 тыс. участников), обереги, привороты, травы и прочее производное от представлений о быте и духовности славян (на тег «оберег» обнаружилось свыше 150 тыс. участников – лечение, магия, интернет-коммерция). Славянские интернет-сообщества, открытые в большинстве случаев или закрытые, тем самым напоминаящие их реальный прообраз – мир-общину с ее регламентацией и приоритетом общего над личным, сами по себе или под внешним влиянием могут быть подвержены локализации общих идей вокруг злободневной темы, ограничению общих целей и декларируемых ценностей до лозунгов, картинок, перебранок. Современный пользователь видит в новой реальности (социальные сети, компьютерные игры и т. д.) безграничную сферу самовыражения, позиционирования себя в сообществе и даже конструирования новой личности (феномен анонимности, карнавальности, возможности презентовать несколько личностей – через ники, аватарки,

фэнтезийные истории, иллюстрации, обработку фотографий путем различных приложений).

Идею сообщества, как, впрочем, и во всей «галактике Интернет», нередко используют в качестве площадок различные типы интернет-коммуникаторов – «информационные воины», «тролли», «просветители» и т. д. Именно они вносят свой содержательный контент в виртуальный славянский мир. Особенность социальных сетей заключается в том, что очень редко информация поступает извне в Интернет – к примеру, ссылки на «славянскую» литературу обходятся без Венелина, Флоринского, Данилевского, Леонтьева, Миловидова или академика Рыбакова. Литературный образ славянства творится в тех же сетях. Основанием для редукции знаний, паттернов, мемов является также идентичность, сформированная на противопоставлении другим сообществам, переносимым из мира интернет-конструктов в реальность, получающего там сигналы и поддержку для возврата в виртуальную реальность сконструированного мира Интернет, в нашем случае – славянского мира.

Так или иначе, одним из оснований служит деление на «своих» и «чужих». Среди «неславян» чужие – это, как правило, мигранты из Средней Азии и Кавказа, западноевропейцы, могут быть евреи и далее по ситуации – язычники против православных (Кавыкин 2004), белые против цветных, арийцы против неарийцев, «ватники» против «укропов» и т. д. Путем приписывания определенных свойств себе или другим группам «создается концептуально-символическая модель социального мира... На основе этой модели формируются политическое мышление и поведение» (Предисловие 2004: 12–13). И это не безобидные грани данного политического конструкта, нередко им свойствен радикализм, они могут входить в качестве базовой или сопутствующей идеологии в национал-социализм, обретать иные агрессивные формы. Но в массе своей «интернет-славяне» ищут в современном идейно-нравственном вакууме свою нишу. Они так реагируют на длившееся до последнего времени игнорирование ценности Родины, славянства в целом, этапов отечественной или общей истории, на пренебрежение основами культуры или национальным достоинством. Это, в конечном счете, реакция на разрушение гармонии с природой, родовых основ человечества.

Таким образом, мы видим, что «славянский мир» как конструкт, уйдя из политической реальности в социальные сети, не перестал быть политическим конструктом, в том числе и контролируемым реальными политическими силами. Он восполняет потребность в славянской идентичности, пусть даже самым фантастическим образом достраивая представление о славянах, их единстве и будущем. С учетом того,

что в условиях постсовременности главной ценностью политики является коммуникация, Интернет с его скоростью, практически безграничным охватом аудитории, возрастающим авторитетом на фоне других источников информации, наконец, оперативной способностью к мобилизации, становится наиболее эффективной площадкой для продвижения идей в максимально доступной форме. И тема славян в социальных сетях является тому ярким подтверждением. Что же касается славянского мира, он продолжает оставаться конструктом, обозначающим свою «концептуально-символическую модель социального мира», а значит, является и может быть использован в качестве потенциальной питательной среды как для формирования и поддержания идентичности, так и для локальных акций или долговременных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

Витте 1923 - *Витте С.Ю., граф.* Воспоминания. Берлин: Слово, 1923. 421 с.

Живов 2002 - *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.

Кавыкин 2004 - *Кавыкин О.И.* Мировоззренческие и политические аспекты русского неоязычества // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004. С. 77–105.

Колесов 2000 - *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. 326 с.

Крижанич 1997 - *Крижанич Юрий.* Политика. М.: Новый свет, 1997. 527 с.

Леонтьев 1993 - *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Избранное. М.: Рарогъ, Московский рабочий, 1993. С. 19–118.

Лотман 2001 - *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Семиофера. СПб.: Искусство-СПб., 2001. С. 149–390.

Люкс 2002 - *Люкс Л.* Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М.: Московский философский фонд, 2002. 304 с.

Немирович-Данченко 1884 - *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев. Личные воспоминания и впечатления. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884. URL: <http://rusk.ru/vst.php?idar=321698> (дата обращения: 6.09.2015).

Плюханова 1995 - *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.

Предисловие 2004 - Предисловие // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004. С. 7–22.

Славянофильство и западничество 1991 - Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого / Отв. ред. Р.А. Гальцева. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. Вып. 1. 192 с.

Уортман 2002 - *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

Янов 2001 - *Янов А.* Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

REFERENCES

Vitte, S.Yu. (1923) *Vospominaniya* [Recollections]. Berlin: Slovo.

Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Researches in the field of history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 73-115.

Kavykin, O.I. (2004) *Mirovozzrencheskie i politicheskie aspekty russkogo neoyazychestva* [Worldview and political aspects of Russian neo-paganism]. In: Evgen'eva, T.V. (ed.) "*Chuzhie*" *zdes' ne khodyat. Radikal'naya ksenofobiya i politicheskiy ekstremizm v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoy Rossii* ["Strangers" do not walk here. Radical xenophobia and political extremism in the social and cultural spaces of modern Russia]. Moscow: RAS. pp. 77-105.

Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus: Heritage in the word. The world of Man]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Krizhanich, Y. (1997) *Politika* [Politics]. Moscow: Novyy svet.

Leont'ev, K.N. (1993) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Rarog", Moskovskiy rabochiy. pp. 19-118.

Lotman, Yu.M. (2001) *Semiofera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 149-390.

Lyuks, L. (2002) *Tretiy Rim? Tretiy Reykh? Tretiy put'?* *Istoricheskie ocherki o Rossii, Germanii i Zapade* [Third Rome? Third Reich? Third way? Historical essays about Russia, Germany and the West]. Moscow: Moskovskiy Filosofskiy Fond.

Nemirovich-Danchenko, V.I. (1884) *Skobelev. Lichnye vospominaniya i vpechatleniya* [Skobelev. Personal memories and impressions]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. [Online] Available from: <http://rusk.ru/vst.php?idar=321698>. (Accessed: 6th September 2015).

Plyukhanova, M.B. (1995) *Syuzhety i simvolyy Moskovskogo tsarstva* [Plots and symbols of the Moscow tsardom]. St. Petersburg: Akropol'.

Evgen'eva, T.V. (ed.) (2004) "*Chuzhie*" *zdes' ne khodyat. Radikal'naya ksenofobiya*

i politicheskiiy ekstremizm v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoy Rossii ["Strangers" do not walk here. Radical xenophobia and political extremism in the social and cultural spaces of modern Russia]. Moscow: RAS. pp. 7-22.

Gal'tsev, R.A. (1991) *Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo: konservativnaya i liberal'naya utopiya v rabotakh Andzheya Valitskogo* [Slavophilism and West-ernism: Conservative and liberal utopia in the writings of Andrzej Walicki]. Moscow: INION AN SSSR.

Wortman, R.S. (2002) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Vol. 1. Moscow: OGI.

Yanov, A. (2001) *Rossiya: U istokov tragedii. 1462–1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoy gosudarstvennosti* [Russia: At the origins of the tragedy. 1462–1584. Notes on the nature and origins of the Russian statism]. Moscow: Progress-Traditsiya.

Щербинин Алексей Геннадьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinin Aleksey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shai52@mail.ru

Щербинина Нина Гарьевна – доктор политических наук, профессор Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinina Nina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sapfir.19@mail.ru